

Сергей Абдалов

Холод

18+

Сергей Абдалов

Холод

«Автор»

2026

Абдалов С.

Холод / С. Абдалов — «Автор», 2026

Любимый зять Веры Павловны Игорь, уговаривает пожилую женщину продать дом, чтобы спасти внучку от тяжёлой болезни...

© Абдалов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Холод	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Холод

Холод

Вера Павловна ненавидела этот дом. Не само здание — добротный, срубленный из лиственницы, он стоял на отшибе посёлка уже полвека и был крепок, как старый дуб. Она ненавидела то, чем он стал. Стены, помнящие смех её мужа и топот маленьких ножек дочери, теперь давили на неё глухой, ватной тишиной. Воздух в комнатах был пропитан не запахом пирогов или свежеструганного дерева, а тяжелым, приторно-горьким духом лекарств и безнадежности.

Нина умирала. Её внучка, светловолосый ангел с глазами цвета летнего неба, угасала в районной больнице. Чудовищная болезнь не щадила ребёнка. Деньги, отложенные на черный день, закончились три месяца назад. Сбережения от продажи автомобиля мужа ушли на первые курсы химии, которая лишь ненадолго подарила ложную надежду. Теперь надежда стоила миллионы.

Дверь в комнату тихо скрипнула. На пороге стоял Игорь. Зять. Когда-то она радовалась этому союзу, но со временем его улыбка стала казаться ей слишком широкой, а глаза — слишком холодными для человека, который должен был стать опорой её дочери.

Игорь занимал должность старшего менеджера по развитию ключевых клиентов в московском филиале крупного швейцарского инвестиционного фонда.

Его офис располагался на 42-м этаже одной из башен делового центра «Москва-Сити», откуда открывался головокружительный вид на столицу. Игорь занимался привлечением денег старых русских элит — владельцев заводов, экс-чиновников и наследников нефтяных состояний. Он был блестящим психологом: умел слушать жалобы богачей на жизнь, вовремя подливать дорогой коньяк и предлагать схемы вывода капитала с минимальными рисками. Именно эта хватка два года назад свела дочь Веры Павловны с Игорем, который принял женщину с чужим ребёнком. Это особо подкупило старушку и теперь доверие к зятю было безграничным.

— Вера Павловна, — его голос был мягким, бархатным. Он подошёл и положил тяжелую руку ей на плечо. — Я всё решил.

— Что ты решил? — безжизненно спросила она, не оборачиваясь. Она смотрела в окно на голые ветви яблони, сгибающиеся под мокрым снегом.

— Мы продаем ваш дом.

Слова ударили женщину под дых. Вера Павловна резко повернулась. Её взгляд, выцветший от слёз и бессонницы, впился в его лицо.

— Ты с ума сошел? Это всё, что у нас есть! Это память!

— Это просто кирпичи и брёвна! — отрезал Игорь, и маска добродушия на секунду сползла, обнажив сталь. Он заговорил быстрее, напористее, не давая ей опомниться. — Послушайте меня. Я нашел покупателя. Серьезный человек, из города. Даёт хорошие деньги. Прямо

сейчас. Наличными. Мы оплатим лечение в Москве. В лучшей клинике! Там есть экспериментальные протоколы. Это единственный шанс для Нины!

Он нависал над старушкой, давил своей уверенностью и энергией. Вера Павловна чувствовала себя старой, раздавленной молью рядом с этим полным жизни хищником.

— А если не поможет? — прошептала она. — Если... если мы просто останемся без дома и без денег? Где мы будем жить?

Игорь наклонился к самому её уху. От него пахло дорогим одеколоном и табаком.

— Я всё продумал. Я взял на работе отгулы и пока останусь с вами. Мы снимем квартиру в городе, рядом с больницей. Я буду работать сверхурочно, но мы вытянем. Я клянусь тебе, мама. Я клянусь тебе всем святым, что мы спасём малышку!

Он говорил так искренне, так убедительно смотрел своими ясными глазами... Вера Павловна сломалась. Она закрыла лицо руками и заплакала — тихо, обречённо.

— Хорошо... — выдохнула она сквозь рыдания. — Делай как знаешь...

Игорь выпрямился с видом победителя. Он быстро поцеловал её в макушку — жест был быстрым и деловым, как подпись на документе.

— Вот и умница. Не переживайте ни о чем. Я всё возьму на себя.

В тот же вечер в гостиной пахло не лекарствами, а дорогим коньяком и шашлыком из только что купленного в магазине полуфабриката — Игорь «обмывал» сделку с покупателем по телефону. Вера Павловна сидела в кресле как изваяние, глядя в одну точку.

— Завтра приедет юрист с документами, — бодро сообщил Игорь, разливая коньяк по пузатым бокалам. Один он протянул старушке. — На трезвую голову такие вещи не подписывают.

Она машинально взяла бокал.

— За наше будущее! — провозгласил он тост и залпом осушил свой.

Вера Павловна вернула бокал на стол.

На следующий день всё прошло именно так, как обещал Игорь: «гладко». Сухопарый юрист с бегающими глазками быстро составил договор купли-продажи. Вера Павловна поставила подписи там, где ей указали трясущимся от волнения пальцем. Игорь не отходил от неё ни на шаг, подбадривая и подливая воды в стакан.

Когда юрист уехал с документами, оставив Игорю толстую пачку денег, наступила тишина. Дом был продан. Согласно договору: новый хозяин заселится уже через три дня.

— Ну вот и всё, — сказал Игорь, потирая руки и глядя на пачку купюр на столе. Он пересчитал их дважды, хотя сумма была оговорена заранее. — Теперь дело за малым.

Он подошел к окну и выглянул на улицу.

— Машина сейчас приедет... Я заказал грузчиков для вещей.

Вера Павловна вздрогнула:

— Каких вещей? Куда мы поедem?

Игорь медленно повернулся к ней. Улыбка сползла с его лица окончательно.

— Вы поедете в больницу к Нине. А я... Прямо сейчас возникла возможность попасть к тому самому профессору и договориться о месте в палате без очереди. Мне нужно лететь первым же рейсом.

Он говорил быстро, собирая деньги со стола и запихивая их во внутренний карман куртки.

— Но как же... Ты же обещал! Ты клялся! — голос Веры Павловны сорвался на визгливый старческий фальцет.

Игорь застегнул молнию на куртке до самого верха и посмотрел на неё сверху вниз с безгловым сожалением, как смотрят на вылезшего на свет таракана.

— Обещал? Значит сделаю...

Он направился к выходу из комнаты.

— Подожди! Игорь! Стой! Это же всё деньги на лечение! Верни их! — опомнилась Вера Павловна.

Она попыталась встать с кресла, но ноги её не держали. Старушка поползла за мужчиной на коленях по старому паркету.

Застыв у входа, Игорь скупом ухмыльнулся. Он вышел в коридор и через секунду вернулся с двумя чемоданами, которые приготовил заранее.

— Ключи от дома оставлю под ковриком для покупателя! Прощай!

Хлопнула входная дверь. В огромном доме стало оглушительно тихо. Вера Павловна осталась сидеть на полу посреди гостиной своего проданного дома. Денег не было. Надежды не было. А в районной больнице по-прежнему умирала её Нина.

А Игорь уже садился в такси до аэропорта с двумя чемоданами и полным карманом денег, которые пахли предательством и медленной смертью двух самых близких ему когда-то людей.

***

Вера Павловна не помнила, сколько просидела на полу. Час? Два? Тело онемело, превратившись в неподъемный камень, а в груди, там, где раньше было сердце, теперь зияла ледяная пустота. Она не сразу услышала рингтон мобильного телефона. Преодолевая боль в ногах женщина дошла до тумбочки с телевизором и шурясь нажала на зелёную кнопку. А через мгновение телефон выпал из её руки. Смерть пришла и забрала последнее, что у неё было.

Женщина хотела закричать отдав на это последние свои силы. Но в ней не осталось ни слез, ни сил на крик. Только звенящая тишина и оглушительный стук крови в висках.

Дом больше не принадлежал ей. Это был чужой склеп. Она не могла здесь оставаться. Не могла смотреть на эти стены, которые помнили смех её внучки.

Вера Павловна надела старое пальто, порывшись в шкафу в прихожей. Оно было ей велико, висело мешком. Шарф она обмотала вокруг шеи дважды. Покрыла голову первым попавшимся под руки платком.

Старушка вышла на улицу. В лицо ударил сырой, промозглый ветер. Небо нависало свинцовой, непроницаемой тяжестью. Мир вокруг был серым и безжизненным. Вера Павловна пошла по дороге прочь от дома, сама не зная куда.

Посёлок жил своей жизнью. Проехала машина, обдав её фонтаном грязной талой воды из лужи. Вера Павловна даже не вздрогнула. Ей было всё равно. В окне соседнего дома мелькнуло чье-то лицо — кто-то из знакомых видел её уход и теперь наверняка будет судачить: «Старая совсем из ума выжила, дом продала и во всём старом пошла куда-то». Пусть говорят. Ей плевать.

Она дошла до автобусной остановки — ржавой конструкции из гнутых труб и развалившейся бетонной плиты. Села на холодную скамейку. Автобусы ходили редко, да и ехать ей было уже некуда. Вера Павловна достала из кармана пальто старый кнопочный телефон, который по привычке всегда брала с собой, ожидая звонка из больницы. Экран был тёмный. Аппарат умер. В этот вечер умер весь мир...

Смеркалось. Темнота наступала быстро, усиливая присутствие зимней ночи. Вместе с темнотой пришёл холод. Он пробирался сквозь ветхую ткань пальто, впивался в кости тысячами ледяных игл. Вера Павловна начала дрожать.

Она встала и пошла дальше, просто чтобы согреться. Шла по обочине трассы, мимо проносились фуры, обдавая её волнами гудящего ветра и брызгами грязи. Водители не замечали сгорбленную фигуру старухи.

Через час она поняла, что заблудилась или просто ходит кругами. Силы покидали её вместе с теплом. Ноги стали ватными, каждый шаг давался с трудом. Она вышла к окраине леса. Ветер здесь был еще злее.

Вера Павловна опустилась на колени прямо в мокрый снег у подножия старой сосны. Сил идти больше не было. Холод стал её частью, он был внутри неё, и это было даже приятно — он заглушал боль утраты.

Она смотрела на темнеющее небо сквозь переплетение чёрных ветвей.

— Будь ты проклят... — прошептали её губы.

Она собрала остатки воли и прохрипела громче, вкладывая в слова всю ненависть, всю боль и весь холод своего умирающего тела:

— Игорь... Будь ты проклят! Чтоб ты сдох... в муках... как мы!

Это были последние слова Веры Павловны. Её глаза закрылись, и она мягко завалилась набок в подтаявший сугроб. Снег продолжал падать, укрывая её тело белым саваном.

А в морозном воздухе над остывающим телом на мгновение повисло облачко пара от последнего выдоха — плотное, густое и какое-то неправильное в этой влажной погоде. Оно медленно поднялось вверх, закручиваясь спиралью, словно живое существо, впитывая в себя последние крупницы тепла и ненависти умирающей женщины. А затем этот стусок ледяного воздуха устремился на восток — вслед за тем такси, что увезло прочь убийцу.

***

Москва встретила Игоря серым небом и мелким, ледяным дождем. Он любил этот город за его равнодушие. Здесь никому не было дела до того, кем ты был вчера и какие скелеты лежат в твоём шкафу. Здесь можно было стать кем угодно. Или, как сейчас, просто исчезнуть.

Квартира, которую он снял через агентство, располагалась в новом ЖК на окраине. Дорого, стильно, анонимно. Консьерж на входе проверял документы, но делал это с видом человека, которому платят не за бдительность, а за вежливость. Идеальное место, чтобы залечь на дно и переждать бурю.

Игорь бросил чемоданы в прихожей, скинул мокрое пальто прямо на пол и прошел в гостиную. Он достал из внутреннего кармана куртки тугую пачку денег — свою добычу. Пересчитать не стал, сумма и так горела в памяти. Снять эту квартиру можно на полгода вперёд. Он швырнул деньги на стеклянный столик.

«Старая дура», — подумал он, наливая себе виски в тяжелый стакан. Он сделал большой глоток. Алкоголь обжёг горло и теплом разлился в желудке. Напряжение последних дней начало отпускать.

«Старуха действительно думала, что я потрачу всю свою молодость на выхаживание чужого ребёнка» — размышлял мужчина подходя к зеркалу.

Действительно. Он был молод, красив и спортивен. Жгучий брюнет под два метра ростом и кубиками на животе. Такую красоту нельзя было терять в сельской местности.

Он подошел к огромному панорамному окну. Внизу текла река из огней — нескончаемый поток машин. Где-то там, в сотнях километров отсюда, умирала Нина, а её бабка наверняка оплакивает потерю дома. Мысль об этом вызвала у него не угрызения совести, а лишь легкое раздражение, как от застрявшей в ботинке гальки.

— За новую жизнь, — сказал он своему отражению в темном стекле и допил стакан залпом.

Сон пришел быстро, тяжелый и вязкий. Ему снился холод. Не тот зимний мороз, а мертвенный, могильный холод, который пробирает до костей и заставляет зубы стучать так, что сводит челюсть. Во сне он видел Веру Павловну. Она стояла к нему спиной на фоне серого леса.

— Ты оставил нас умирать, — сказала она, не оборачиваясь.

Вокруг выло так, словно само небо сдирали заживо. Метель не просто мела — она вгрызалась в лицо ледяными клещами, швыряла в Игоря пригоршни сухой, колючей крошки и пыталась сбить с ног, впечатать его тело в сугробы по пояс. Ветер менял направление ежесекундно: то бил в грудь, выдавливая из легких остатки тепла, то заходил со спины, толкая навстречу надвигающейся тьме. Фонарь на покосившемся столбе давно умер, захлебнувшись снегом, и мир сузился до слепящей белой стены, где воздух казался густым от летящего стекла.

Старуха стояла неподвижно, хотя буря должна была разорвать ее хрупкое тело на части. Тонкие ветви старой яблони за ее спиной трещали и ломались под тяжестью намёрзшего льда, но сама она даже не покачнулась. Ее ветхий платок превратился в сплошную ледяную корку, а плечи укрыл тяжелый панцирь из плотного снега. Лицо было мертвенно-синим, покрытым толстой сеткой инея, сквозь который едва проступали глубокие морщины. Там, где у человека должны быть глаза, чернели две зияющие пустые дыры, ведущие прямо в череп. Из них медленно, тягуче сочилась маслянистая тьма. Она не падала на снег, а впитывалась в него, оставляя вокруг стоп старухи тончайшую пленку копоти.

Игорь хотел крикнуть ей, что это неправда. Что он не убивал, не предавал, что он просто спасал свою шкуру там, где должен был закрыть собой других. Но язык примерз к небу, превратившись в кусок раскаленного железа, от которого по гортани растекался холод. Губы онемели, челюсти свело судорогой, а изо рта вырвался лишь беззвучный хрип. Сковывающий ужас парализовал диафрагму, лишая возможности сделать вдох. Он попытался сделать шаг назад, утопая в глубоком насте по колено, но ноги отказывались сгибаться, став тяжелыми чугунными столбами.

Тогда старуха начала поворачиваться всем корпусом. Она разворачивалась бесконечно долго, дюйм за дюймом открывая перед Игорем свой профиль, похожий на обугленный древесный корень. С каждым градусом поворота давление воздуха нарастало, метель снаружи взывала еще истеричнее, закручиваясь в тугую воронку.

Когда черные провалы наконец устались прямо на Игоря, старуха открыла рот. Вместо крика из ее глотки ударила струя колючего, спрессованного снега. Это был не пар дыхания, а сумасшедшая ярость зимней ночи. Острые как бритва снежинки впились в кожу Игоря тысячами лезвий. Ледяной поток выбил из него остатки воздуха, залепил веки, забил нос и уши плотной пробкой. Тьма из глазниц старухи смешалась с этой снежной пылью, и белая мгла на секунду стала абсолютно черной.

Мир исчез. Пропал вой ветра, пропал холод, пропало ощущение собственного тела. Осталось только звенящее чувство падения в бездонный ледяной колодец.

Игорь проснулся от собственного крика. В комнате было темно и душно. Сердце колотилось где-то в горле. Он сел на кровати, вытирая холодный пот со лба.

«Чёртов стресс», — выругался он про себя.

Он встал, чтобы пойти на кухню и выпить воды. Босые ноги коснулись пола, и он вздрогнул. Плитка была ледяной.

«Опять отопление барахлит», — поморщился Игорь и пошел в сторону кухни.

В коридоре он остановился как вкопанный. Из-за двери ванной комнаты пробивалась тонкая полоска света, хотя он точно помнил, что выключал его перед сном. И еще... оттуда доносился звук. Тихое, монотонное капанье.

Звук был неправильным. Слишком гулким для падающей из крана капли.

Игорь медленно подошел к двери и взялся за ручку. Она была холодной как лёд. Он рванул дверь на себя.

Ванная комната превратилась в промерзшую ледяную пещеру. Дыхание Игоря вырывалось изо рта густыми облаками пара и тут же оседало на стенах тонкой, звенящей коркой изморози. Кафельная плитка скрылась под толстым слоем льда, который затянул углы комнаты причудливыми острыми иглами.

С потолка свисал застывший каскад — огромная сосулька толщиной с человеческую руку, внутри которой намертво застыли темные разводы старой ржавчины и хлопья извести. Казалось, что вес этой ледяной глыбы должен был давно обрушить перекрытия. Температура в комнате была настолько низкой, что металл кранов покрылся пушистым снежным шарфом, а зеркало над раковиной лопнуло паутиной глубоких трещин. И все же этот колоссальный ледник понемногу сдавался перед собственным холодом. С острого края главной сосульки срывались тяжелые капли. Они падали вниз мучительно медленно, словно преодолевая невидимый густой кисель, и ударялись о поверхность воды уже в переполненной ванне с гулким звоном.

Игорь заглянул в самую чашу и похолодел до самого сердца. Вода стояла выше белой эмали, хотя массивная латунная пробка была вынута. Поверхность казалась идеально ровной, как отполированная — ни единой ряби, ни пузырька воздуха, несмотря на то, что вода должна была уходить в трубу сплошным потоком. Она не отражала тусклый свет лампочки, а жадно впитывала его, затягивая взгляд в бездонную глубину.

С покрытого инеем лба Игоря сорвались крупные капли собственного пота. Выступившие от животного ужаса, они чертили на черной воде дрожащие дорожки, прежде чем беззвучно кануть в эту неподвижную бездну. Каждое падение сопровождалось тем самым тяжелым эхом замерзшей капли с потолка, и Игорю на мгновение показалось, что это тает он, а не лёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.